

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

3 ИЮН 1986

г. Москва

2. Письмо, которого
не мог не быть

Уважаемый Реваз Габриадзе! Надеюсь, вы простите мне, что эти слова вместе с вами прочтут и многочисленные читатели газеты. Но что же делать, когда впечатления от стольких гастролей Тбилисского театра марионеток, руководимого вами, продиктовали мне неизбежность этой эпистолярной формы.

Неизбежность формы — можно было бы и так озаглавить заметки о театре, который вы сами придумали и создали, в котором играют три пьесы, написанные вами, и которым вы руководите как режиссер.

Ваши прекрасные любимые Альфред и Виолетта, как вы извещаете публику в программке к одноименному спектаклю, «в отличие от «Травиаты» Верди (пьеса — остроумный парафраз известной оперы) не умирают и вечно будут жить». Храбрый генерал князь Ваню Фантишавили жертвует полученный по наследству самый большой в мире бриллиант некоему, тогда еще неизвестному инженеру Эйфелю на строительство чудо-башни. Птичка по имени Боря Гадай и бабушка Домна привечают в своей каморке в Кутаиси в 1946 году бездомного, но благородного бродягу Чарли. Кажется, что в вашем театре все возможно, во все веришь.

Тут мне следовало бы подивиться неистощимой вашей фантазии, однако есть вещи и поважнее. Чистота, совершенная естественность этой фантазии, отсутствие даже намека на обман, отступление от правды — вот предмет для радостного удивления.

Государственный театр марионеток родившийся вашим воображением и упорством на одной из улиц старого Тбилиси в стенах маленького старинного особняка, — не чудо ли это? Но и не естественный ли порядок вещей — ведь вы создали как бы частицу культурной жизни Грузии, часть старого Тифлиса, как Авлабар, и автовокзал, и Карусельный спуск.

Не естественно ли, что забавная птица по имени Боря говорит в спектакле «Осень нашей весны» голосом замечательно-го актера Рамаза Чхиквадзе, а Тэкла, сестра генерала Фанти-

шавили, — голосом самой Верико Анджапаридзе!

И где еще был бы уместен, как не в «Бриллианте маршала де Фантье», воинству непере-водимый, да и не требующий перевода тифлиссский диалект, где русскому слову так же легко и вольготно, как русскому романсу в контексте тифлисской старины.

Мне все было интересно в вашей деятельности. Кто вы? — спрашиваю себя. — Сценарист? Да, конечно. И каких фильмов! От «Кувшина» до «Мимино», «Необыкновенной выставки», «Чудаков». И художник, жаль, что известный нам преимущественно по репродукциям. И режиссер на телевидении.

И все же в Театре марионеток вы, мне кажется, подступили к наиболее органической форме своего существования в искусстве. Причем прежде всего — в искусстве слова.

Зрителей очаровали и пятеро молодых актеров-кукловодов, и музыка Э. Исраелова, и свет, и декорации, и, наконец, поразительные куклы (художник Ш. Шеклашвили).

Но во главе всего в ваших спектаклях — слово. Справедливо говорилось, и не раз, что вся ваша драматургия — это по сути притчи. И воздавая должное кинематографу, скажу, что все-таки лучшей формы для современной притчи, чем театр кукол, не найти. Причем именно театр марионетки — самой выразительной «очеловеченной» куклы. Что-то необыкновенное дышит на тебя из обтянутых черным бархатом полостей, когда неожиданно огромная, оптически увеличенная рука возникает там, наверху, над головами крошечных актеров-кукол и андемп подхватывает одну из них, и уносит вдали или ввысь. Чудная смесь быта и поэзии.

Грузинский ландшафт ли тому причиной — эта вечная вертикаль? Или как раз законы притчи, в коей тем более жизненна идея, чем более выразительна образность?

Ваши пьесы и ваши куклы вселяют веру в неизбежность чудес и возможность их возвращения к каждому из нас.

Михаил ПОЗДНЯЕВ.